

Бинокль

ТЕАТР И ИСКУССТВО

Русская Драма. «Три сестры» – пьеса Чехова

Источник: Рижский курьер. 1923. 9 января. № 602. С. 3.

Тоска по родине... тоска по родине сделала эту пьесу любимейшей из всего заграничного репертуара московских художников.

«В Москву... в Москву» – тоскуют сестры, и зал отвечает им печалью о далекой России, о своей оторванности... печалью и светлыми обновляющими слезами.

Ибо весь Чехов – это печаль настоящего и радостная одухотворяющая мечта о грядущем. Чье сердце не откликается на такие мотивы...

Пусть мы стали грубее, чеканнее, пусть беспощадная жизнь зажгла в душе нашей пожар красок... мы по-прежнему благоговейно готовы внимать Чеховской мистике, как внимаем тихой молитве в задумчивой деревенской церкви, среди раскинувшегося простора полей.

Не только пляс малязинских красок, головокружительные вихри Челищева и Гончаровой, – нам нужна и Чеховская умиротворенность, благодатные тихие слезы.

Все это должна воплотить постановка «Трех сестер».

Шорох и шопот мелких событий, вечеряющая жизнь, и сквозь опостылевшие будни зовущая трепетная музыка. Музыка – мечта. Она колеблется, нарастая и замирая, и тихо тает последними вопрошающими словами сестер.

Чтобы играть Чехова, надо постигать музыкальную тайну его творчества, как постиг ее театр Станиславского и Немировича-Данченко. Нужно дать ту внутреннюю гармонию, которая характеризуется избитым словом – настроение.

Этого не было на представлении «Трех сестер» 5 января. Вместо тихой и плавной мелодии, сквозь которую колеблется радостная, любовная тревога Вершинина и Маши, и немерцающим светом теплится душа Тузенбаха, – мы видели разрозненный быт, не передающий сокровенных дум Чехова, проникновенной лирики Чехова.

Кому как не Е. Рощиной-Инсаровой с ее раскрытыми глазами подстреленной птицы воплотить Машу из «Трех сестер»...

А между тем, артистка была равнодушна. Вернее, безучастно и бесцветно прошли все дуэты Маши и Вершинина, и главной причиной этого был резонерский холод артиста Булатова.

Бесцветно играл Тузенбаха г. Муратов; нет весеннего аромата у г-жи Коваленской в роли Ирины. Так отошла в неизвестность лирика «Трех сестер».

С неподражаемой наблюдательностью и меткостью были охарактеризованы Наташа (Елена Маршева) и Кулыгин (г. Маликов). Здесь что ни штрих, то бытовая правдв. Не вполне отделана роль Андрея у г. Астарова, хотя подход к роли отличный.

Неровность исполнения портит рисунок г. Ченгери (Чебутыкин), но сцены в последнем акте были проведены тонко и задумчиво. Резок в роли Соленого

г. Греанин, но откуда сие, и что руководит свирепостью штабс-капитана, понять было невозможно.

Выразительно переданы роли Федотика (г. Борисов), Родэ (г. Унгерн), Ферапонта (г. Бельский), няньки (г-жа Астарова) и музыкантов (г. Мерц и г-жа Раулова). Г-же Гатовой пришлось играть самую бесцветную из трех сестер – Ольгу; артистка исполнила свою задачу с достоинством.

А в целом, не было Чехова, не было сестер, тоскующих по жизни прекрасной, далекой. Далекой... и близкой нам всем.